

О ЧЕМ НАМ ГОВОРЯТ ПОСВЯЩЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ В МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВВ.? ДИСКУССИЯ

Возможно ли установить связь между посвящениями церквей и особенностями регионов, земель, княжеств и т. д.?

Майничева А. Ю. Ответить на поставленный вопрос попробую с методологических позиций. Возведение храмов неслучайно, это своеобразный индикатор духовного освоения территории, ее обживания. Для определения связи между посвящениями и особенностями регионов нужно определиться, о каких особенностях идет речь. Исторических? Этнических? Культурных? Социальных? Экономических? Их комбинаций? О преобладании тех или иных посвящений? От ответа будет зависеть и возможность установления связей.

Предположим, что речь идет об установлении перечня посвящений церквей в каком-либо регионе и интерпретации характерных черт этого перечня. В этом случае установление связи между посвящениями церквей и особенностями территорий опирается на выполнение нескольких специфических условий, которые существуют наряду с выделением адекватных временных рамок и историчности, являющимися непреложными для любых исторических исследований. Прежде чем перечислить некоторые условия, расположенные в произвольном порядке, не по их значимости, сделаю несколько замечаний.

Я работала преимущественно с сибирскими материалами XVII–XXI вв., поэтому основываюсь на опыте работы с ними, что хронологически расширяет тематику посвящений церквей в Средневековой Руси и России XVI–XVII вв. и обусловлено спецификой источниковой базы. Расширение хронологических рамок, мне кажется правомерным и может послужить пониманию места и роли феномена посвящений престолов в заявленный период.

Активное освоение Сибири русскими началось с XVII века, по понятным причинам массовых материалов по начальному освоению попросту нет, а именно они во многом определяют культурные особенности регионов. С появлением учетных функций соответствующих органов власти на освоенных территориях появляются документы, позволяющие установить, что посвящения часовен и церквей частью зависели от существовавшей геополитической и культурной ситуации. Так, в 1621 г. отмечено посвящение главного алтаря главного сибирского собора во имя Софии Премудрости Слова Божьего

в городе Тобольске, неофициальной столицы Сибири того периода. Зависели посвящения и от тех икон, которые несли с собой землепроходцы, то есть от культов мест выхода землепроходцев. Большинство причин посвящения алтарей не задокументированы. Но, например, согласно рапорту Благочинного Верхоянских церквей, священника о. А. Берденикова 1890 г., в зашиверской церкви размещалась икона Спаса на полотне, которая была боевым знаменем казаков-первопроходцев. Бердеников сообщает, что в благодарность Спасителю, изображение которого было на знамени, построенный в 1700 г. храм был посвящен образу Спаса Нерукотворного¹. Появление культов первых местночтимых сибирских святых св. муч. Василия Мангазейского и св. прав. Симеона Верхотурского также относится к XVII в., что отражает процесс вписывания сибирских реалий в общерусский религиозный контекст как равноправных в духовном отношении земель, освященных деяниями святых.

Узловым вопросом о посвящении престола церкви является кто принимает окончательное решение о выборе посвящения. Этот вопрос не так прост, как кажется. По сибирским документам известны ходатайства сельских и городских общин, просьбы благотворителей, указания из Москвы об установлении конкретного посвящения. Однако в каждом случае можно говорить о вариативности выбора, основанного на поиске консенсуса, нарушении приказа или выполнении пожеланий. И хотя документальных свидетельств не так много, можно заключить, что решение оставалось за главой местной епархии, по благословению которого воздвигался храм.

Что касается методических подходов по исследованиям связи посвящений церквей и особенностями регионов, то они могут быть следующими.

Первое. Необходимо учитывать, что в церквях может быть несколько престолов, которые нужно выявить. Только в однопрестольной церкви ее название совпадает с посвящением престола. Посвящение престола является своеобразной значимой единицей для исследований, благодаря особенностям богослужебных действий. Судя по данным описания и учета церквей, в Сибири многопрестольных церквей было не слишком много, но посвящения их алтарей значительно влияют на общую картину культов. В качестве дополнительных фактов необходимо учитывать посвящения (иконы) часовен и молитвенных домов.

Второе. Вести исследования целесообразно в границах территорий отдельных епархий, обладавших в фиксированных временных рамках автономностью управления, что важно в вопросах престолонаименований. Такое фокусирование важно, чтобы не запутаться в хитросплетениях административных реорганизаций и для выделения культурных особенностей того или иного региона. При этом учет административного фактора в распространении посвящений уже сам по себе может стать интересным аспектом исследований. Под термином «епархия» понимается территориальная единица (церковно-административный округ) во главе с епископом (архиереем). В разные исторические периоды они отличались. Существовавшее или исторически сложившееся историко-культурное единство территории может не совпадать с епархиальным делением, поэтому дополнительно требуется интерпретировать типичность или особенность посвящения каждого престола.

¹ Якутские епархиальные ведомости. 1890. № 15.

Третье. Учет посвящений монастырских церквей и часовен, видимо, лучше вести отдельно, вне перечня культовых зданий епархии, опять-таки в связи с автономностью управления. Не учет такого фактора может привести к ошибочным выводам. Замечу, что еще одним интересным направлением возможных исследований может стать изучение соотношения посвящений престолов монастырских и приходских церквей.

Четвертое. Анализ групп посвящений престолов ведется на основе систематизации престолонаименований по избранным категориям. Например, престолы во имя великих, средних и малых календарных праздников, в память святых, св. Богородичных икон и т. п., что дает понимание пространственного распределения богослужений в связи с календарным циклом.

Приведенный далеко не полный перечень подходов позволяет сформировать работающую методологическую базу исследований. Впервые разработанный авторский подход был применен при изучении церквей Тобольской губернии по состоянию на начало XX в., для чего была привлечена Справочная книга Тобольской Епархии², в которой собраны обширные сведения о храмах, построенных начиная с XVII в. Там указано, что в XVII в. в епархии было всего пять престолов³, в XVIII в. их количество увеличилось более чем в 20 раз, а к концу XIX в. их стало более 500. Подтвержденной гипотезой исследования было положение о том, что духовная освоенность и обжитость территории, где расселялись русские, находились во взаимозависимости как от количества часовен и престолов церквей, так и от распределения престольных праздников в календарном цикле, привязывавшем всю духовную жизнь к событиям священной истории.

Салмин С. А. Если это возможно, то касается скорее епархий, а не светских владений. Когда дело касается посвящений, определенных мирянами, то мы оказываемся перед необходимостью отделять предпочтения отдельных лиц (в большинстве случаев, единожды принявших участие в выборе престола, и руководствовавшимися не всегда понятными нам соображениями) от общей церковной политики, определяемой епископатами. Несмотря на то, что последние вынуждены были некоторым образом идти на поводу мирских правителей, это касалось в основном городских и монастырских престольных посвящений, а не погостских церквей.

Показательно именно посвящение централизованно создаваемых приходов/погостов, где общность посвящений может предполагать хронологическую общность, коррелирующую с предпочтениями отдельных владык. Например, внимание, которое архиепископ Нифонт оказывал сначала Спасо-Преображенским, а затем Климентовским церквям в городах, вполне могло распространяться и на посвящения погостских престолов. Важно, что погосты совмещали функции клерикального и светского административного центра. Поэтому расширение сети погостов, скорее всего, происходило не в виде спорадического возникновения отдельных новых приходов, а путём единовременного

² Справочная книга Тобольской Епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск, 1913. 227 с.

³ По замечанию И.Л. Маньковой, пять престолов — это храмы, существовавшие в XVII в. и действовавшие в начале XX в. Точное число храмов первого века сибирской истории неизвестно, но, согласно дозорной книге 1624 г., только в одном Тобольске было 13 церквей (+11 придельных престолов), включая монастырские и архиерейский Софийский собор (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 3).

основания «куста» престолов, предположительно имеющих общее посвящение. Однако уточню, что это касается только погостских престолов сравнительно раннего (до патриархии?) периода, но не «частных» и монастырских престолов.

Любопытно, что в случае использования монастырской церкви в качестве и погостской, на Псковщине посвящение ее будет типичным для погостских посвящений.

Земскова В. И. Разумеется, распределение церковных престолов, в случае повторяемости, не может не указывать на некую общность, стоящую за этой повторяемостью. Поскольку тот или иной святой/праздник служат конструирующим элементом общей мировоззренческой картины строителей храма, то ответ на вопрос, почему выбрано то или иное посвящение, должен очертить границы действия *сценария*, которым руководствовались строители. Разумеется, граница такового сценария может совпадать с границами некой вполне ясно выделяемой историко-географической области или, наоборот, окажется, что сценарий существовал исключительно внутри такой историко-географической области, — но сценарий первичен.

Делая такое заключение, я опираюсь на собственный опыт исследования Борисоглебских церквей⁴. Институализация новых княжеств после распада Древнерусского государства (1130-е годы) видимым образом происходила через строительство Борисоглебской церкви при каждой новой столице, и всегда ее ставили за пределами города. Таким образом, Борисоглебские престолы повторяли топографию «Киев—Вышгород» (место упокоения свв. Бориса и Глеба), а сам сценарий строительства воплощал политический идеал Рюриковичей: в их представлении только обладание Киевом являло полноту политической субъектности. Наблюдения за Софийскими престолами в Киеве, Великом Новгороде и Полоцке говорят о том, что обращение к «сценариям строительства» продуктивно. Результаты этой работы пока не опубликованы.

С другой стороны, наши источники скудны и прерывисты. Домонгольские летописи отмечают только «парадное» строительство, переписные книги XV–XVII веков дают уже сложившуюся картину, прочие сведения если и есть, то весьма фрагментарны. Однако поскольку опубликовано много меньше переписных книг, чем их сохранилось, открытия на этом пути вероятны и, без сомнения, целенаправленный поиск по регионам может выявить какую-то вполне определенную картину. В любом случае, такой поиск необходим: ведь с точки зрения истории церковных престолов история России не рассматривалась. И конечно, итоги следует сводить не только в таблицы, но — ради наглядности — наносить на географические карты (а цифровой формат позволил бы создать избирательный поиск: по престолом, топосам и так далее).

Ходаковский Е. В. Изучение А. А. Селиным данных по храмам Водской пятины дает вполне репрезентативную картину динамики посвящений престолов сельских церквей в период между включением новгородских земель в состав Московской Руси и подписанием между Россией и Швецией Столбовского мирного договора в 1617 г. Однако не всегда специфика этих процессов будет однородна. В частности, престолы во имя св. Климента только лишь в Тесово и Ладоге, которые А. А. Селин соотносит географией вотчин новгородского дома Св. Софии, необходимо дополнить важнейшим «поморским» фактором. Так, в XVI столетии церкви во имя св. Климента появляются

⁴ *Земскова В. И.* Борисоглебские церкви в политической истории России XII–XVII веков. М., 2022. 456 стр., илл.

именно по берегам Белого моря в вотчинах Соловецкого монастыря. Помимо упомянутого исследователем храма в Колежме, в документах встречаются сведения о Климентовской церкви в Шуерецкой волости, сожженной в 1591 г. («храм Климент святыи сожгли немецкие люди в 99-м году»⁵). Книга письма Андрея Плещеева свидетельствует, что на погосте на р. Нюкче (Нюхче) поставлены «церковь Никола Чудотворец да церковь теплая Климента Папы Римского»⁶. Традиционно 1501 г. датируется самая ранняя церковь св. Климента в Унском усолье на Летнем берегу. Из соседней Нёноксы происходит икона «Священномученик Климент Папа Римский с житием» (сер. XVI в., Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»), где в то время уже существовал храм или придел во имя Св. Климента. Не противоречит тезису о связи посвящения Св. Климента с поморскими промыслами церковь в Пияле на р. Онеге, упомянутая в купчей 1538–1539 гг.⁷, поскольку Поонежье было важнейшей водной артерией между поморскими вотчинами, Каргополом и Белозерьем. Поэтому большое количество церквей во имя Св. Климента на берегах Белого моря подтверждает наличие географического компонента в вопросе динамики посвящений. Это можно проиллюстрировать не только ссылкой на монографию Б. Кроуфорд о церквях св. Климента в Англии, но и данными из истории средневековой архитектуры Скандинавии, где храмы во имя св. Климента также находились в прибрежных городах и поселениях (Нидарос, Берген, Осло, Брю, Утвер, Ванг, Орхус).

Тезис о региональной специфике посвящений можно проиллюстрировать еще одним обстоятельством: это миссионерский фактор, который для Водской пятины был неактуален и поэтому остался за рамками изысканий А. А. Селина. По мере удаления от епархиального центра и крупных городов возрастает количество апостольских посвящений. Если ограничиваться тем же хронологическим периодом (конец XV в. – 1617 г.), то фиксация в источниках церквей во имя Свв. Апостолов Петра и Павла в самых далеких пределах Русского Севера — на берегах Белого моря (Варзуга, Поной, Кянда), на Кенозере и Лекшме, на р. Онеге (Порожский приход), а также апостольские посвящения верхних приделов Преображенского собора Соловецкого монастыря буквально иллюстрируют слова прокимна: «Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их».

Данные А. А. Селина интересно сравнить с результатами исследования Г. В. Демчук и Н. Н. Уткина по посвящениям храмов в Каргопольском уезде. По их мнению, одним из выводов является «территориальная невосприимчивость к разного рода новшествам, по крайней мере, в период с XVI по XVII вв. и преимущественно вне города»⁸. Те же авторы собрали большой статистический материал и по Двинскому уезду, правда, без широких обобщений⁹.

⁵ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 235.

⁶ Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских... С. 167.

⁷ Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1579 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л., 1988. С. 50.

⁸ Демчук Г. В., Уткин Н. Н. Посвящения церквей в Каргопольском уезде по сотным выписям XVI в. // Христианство и Север: По материалам VI Каргопольской научной конференции / Науч. ред и сост. Н. И. Решетников. М., 2002. С. 40.

⁹ Демчук Г. В., Уткин Н. Н. Посвящения храмов в Нижнем Подвинье в XVI – начале XVII в. // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Проблемы изучения и издания», посвященной

Устинова И. А. Региональная специфика разной степени интенсивности в социальной, политической, экономической, культурной сферах всегда являлась отличительной чертой русской государственности. Эта особенность не могла не сказаться и на религиозной жизни отдельных русских земель, княжеств, районов. Говоря о связи между посвящениями церквей и региональном своеобразии в этой области, вряд ли можно рассчитывать на выявление однозначной корреляции. Однако вполне достижимым представляется выявление особенностей, специфического территориального колорита в выборе посвящений церквей.

В качестве примера можно обратиться к посвящениям храмов Патриаршей области в 1640/41 гг., восстановленным по материалам приходной книги Патриаршего Казенного приказа¹⁰. Анализ посвящений почти 3000 церквей позволяет говорить об уникальной картине посвящений в столице: большинство единичных (уникальных) посвящений в Патриаршей области приходилось в это время на Москву (преимущественно на район Белого города). Среди таких посвящений можно отметить храмы во имя Вериг святого апостола Петра, Похвалы Пресвятой Богородицы, Третьего обретения главы Иоанна Предтечи и некоторые другие. Уникальные (единичные) посвящения встречались и в других десятинах Патриаршей области. Так, вполне четко просматривается развитие культа Макария Желтоводского в землях Нижегородского края, где в это время действовали сразу пять храмов во имя этого святого, тогда как на остальной территории патриаршей епархии был лишь один храм такого посвящения. Сравнение популярности отдельных посвящений храмов по десятинам Патриаршей области по состоянию на 1640/41 г. также демонстрирует региональную специфику в этом вопросе.

И. Л. Манькова показала сложный процесс формирования православного ландшафта Сибири в XVII в., отметив региональную специфику в выборе посвящений церковных престолов, среди которых преобладают троичные посвящения. Этот выбор определялся центральными властями и являлся, по мнению исследовательницы «свидетельством распространения церковно-государственной идеологии на колонизируемые земли»¹¹.

Такими образом, представляется вполне уместным говорить о существовании связи между посвящениями церквей и особенностям отдельных территорий Русского государства, временем и особенностями их вхождения в состав Московского царства, а также другими факторами, однако характер этих связей может быть установлен лишь на основе обобщения обширного эмпирического материала.

Манькова И. Л. Связь между посвящениями церквей и особенностями регионов, несомненно, существует. В Сибири православные храмы стали возводиться в про-

памяти Василия Васильевича Крестинина (1729–1795). Архангельск, 19–23 июня 2001. Архангельск, 2002. С. 105–115.

¹⁰ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 13; Опул.: Устинова И. А. 1) Делопроизводственные документы патриарших приказов 1-й половины XVII в.: Приходная книга Патриаршего Казенного приказа 1640/41 гг. // Вестник церковной истории. Ч. 1–7. 2014–2017. № 35–46; 2) Посвящение храмов в Европейской части России в середине XVII в. (по материалам делопроизводства Патриаршего Казенного приказа) // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: К 70-летию Николая Михайловича Рогожина / Отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2019. С. 230–237.

¹¹ Манькова И. Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке. Екатеринбург, 2020. С. 352–353.

цессе русской колонизации с конца XVI в. Первые церкви были построены в городах/острогах Западной Сибири, основанных отрядами служилых людей. Эти города являлись опорными базами для земледельческого освоения региона и дальнейшего колонизационного движения на восток. При анализе посвящений сибирских церквей необходимо учитывать, что они могли быть предписаны центральными властями, определены архиерейским домом или инициированы жителями населенного пункта. Как правило, первые соборные церкви в городах строили по царским грамотам, в которых указывалось храмоименование. В большинстве западносибирских городов они были посвящены Троице. В именовании престолов первых церквей в острогах Восточной Сибири не прослеживается столь массовое посвящение Троице. Вместе с тем, заметно больше Спасских церквей, причем их распределение по территории неравномерно, хронологически их преобладание наблюдается в населенных пунктах, основанных во второй половине XVII в.¹² Правящие архиереи могли руководствоваться при определении посвящений не только церковно-политическими соображениями, но и личными предпочтениями. Так, при сибирском митрополите Филофее (Лещинском), ставшим монахом в Киево-Печерской лавре, в Сибири появились престолы во имя св. Антония и Феодосия Печерских в начале XVIII в. К региональной специфике необходимо отнести состав сибирских первопоселенцев, основную часть которых составляли черносошные крестьяне Русского Севера, Прикамья, Вятки, а также отсутствие поместного землевладения. Вотчины были только у Тобольского архиерейского дома и монастырей. Поэтому относительно выбора посвящений сельских храмов можно предположить, что в основном это была коллективная мирская инициатива. Об этом свидетельствуют храмовые посвящения во имя Богородичных праздников, св. Прокопия Устюжского, Варлаама Хутынского, Зосимы и Савватия Соловецких. В целом, сибирские материалы позволяют говорить о связи региональной специфики и посвящений церквей.

Можем ли мы выявить динамику изменения преобладания тех или иных посвящений по хронологическим этапам?

Майничева А. Ю. Можем, но в ограниченном объеме. Для выявления динамики изменения посвящений по периодам и широким обобщений требуются массовые данные, полнота источниковой базы, достаточное количество релевантных источников, поскольку информативность имеющихся источников даже одного вида для разных периодов и регионов не равнозначна. Нужны также сравнения результатов исследований, проведенных по одинаковой методике.

Часто бывает важным не только установить преобладание каких-либо посвящений, но и установить тенденции в престолонаименованиях, зафиксировать их и, по возможности, дать интерпретацию их появления в связи с явлениями в общественной и культурной жизни. Исследования показали, что, например, в Новосибирской митрополии в 1990–2020 гг. в динамике посвящений престолов явно просматривается увеличение интереса к соборности. Если до 1990 г. было только одно посвящение во имя Всех святых сибирских, то позже появляются алтари во имя Всех Святых, Всех святых, в земле

¹² Подробнее см.: *Манькова И. Л.* Маркеры российской государственности в православном ландшафте Урала и Сибири (конец XVI – XVII вв.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 40–46.

Российской просиявших, Собор Киево-Печерских Святых, св. Новомучеников и Исповедников Российских. Есть посвящения, имеющие явные отсылки к многонациональности сибирского региона, ранее такого не наблюдалось. Таковы посвящения в честь св. Ефросиньи Полоцкой, св. Феодосия, архиепископа Черниговского, уже упомянутого Собора Киево-Печерских Святых. Возможно, что в других регионах и в другие периоды также можно установить некие закономерности появления и распространения культов.

Салмин С.А. Предположительно — да. Для Псковщины: Ильинские, Георгиевские и Спасо-Преображенские престолы расположены на магистральных транспортных маршрутах региона, в местах, подходящих для устройства пунктов транзитной концентрации даней, что позволяет отнести период их основания к начальному периоду складывания административно-фискальной системы региона.

Для новгородской земли: Ильинские и Георгиевские погосты Водской и Обонежской пятин тяготеют скорее к бассейнам Невы и Ладоги, нежели Ильменя. Престолы Ильинских и Георгиевских посвящений в Бежецкой пятине демонстрируют следующую тенденцию распространения: Ильинские погосты (в бассейнах Шексны и Мологи) расположены большей частью восточнее Георгиевских и магистрально связаны скорее с Ростовско-Белозёрской волостью¹³.

Факт отсутствия Ильинских и Георгиевских престолов в междуречье Мсты и Луги¹⁴ указывает на то, что в момент христианизации (а следовательно, и при создании сети приходов) при выборе престольных посвящений в этом регионе (в отличие от остальных частей Новгородской епархии, включая и псковские территории) руководствовались некоторыми отличными от прочих критериями. Совпадение ареалов распространения среднепсковских говоров и Спасских и Богородицких престолов в погостах может свидетельствовать о единстве в хозяйственном освоении территории и церковно-административном окормлении ее.

В период максимального влияния Пскова в прибалтийском регионе и упрочения Московско-Псковских союзных отношений абсолютно доминируют Никольские погосты, отмечающие западную и южную границы Псковской земли. Выбор излюбленного престольного посвящения со всею очевидностью связан с развитием культа Николы Русского, к XVI в. ставшего наиболее популярным святым на территории Великого княжества Московского. В этот период формируется «кольцо» Никольских престолов, окружающее коренные территории псковской волости и располагавшиеся на спорных (с Ливонией и Великим Новгородом) землях.

Земскова В. И. Давно сделано наблюдение, что церковные престолы сохранялись на одном месте веками и редко менялись. Тем не менее, провести корреляцию — точную лишь до некоторой степени — возможно. Например, совершенно очевидно, что распространение господства Москвы на бывшие независимыми княжества сопровождалось распространением новых церковных престолов (Троицких, преп. Сергия Радонежского).

¹³ Салмин С. А. Престольные посвящения погостских церквей и динамика распространения клерикально-административной системы в Псковской земле в конце X – XV в. // Вестник университета Дмитрия Пожарского. Псков и Псковская земля в истории Руси и России (X–XVII вв.). 2019. № 2 (14). С. 10–35.

¹⁴ Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1853. 415 с., 1 л. карт.

Бесспорно, что церкви в честь Богородичных икон — позднейшего происхождения в сравнении с прочими посвящениями. Зависимость посвящений соборов в новообразованных княжеских столицах от соборных посвящений в тех княжествах, от которых они отделились, похоже, является закономерностью (речь о домонгольском времени). Новгородский материал (III летопись), видимо, содержит более или менее полные и непрерывные сведения о строительстве в Великом Новгороде.

В конце концов, число церковных посвящений на Руси не бесконечно, поэтому под силу (одному человеку?) составить общий список и проверить географическое распределение церковных престолов. С учетом исторических и политических событий на изучаемой территории выводы такого исследования наверняка получат и хронологические показатели.

Устинова И. А. Ответ на вопрос о существовании источниковой и методологической возможности установления хронологической динамики в посвящениях церквей в XVII в. представляется однозначно утвердительным при условии проведения масштабной работы по обобщению данных сохранившихся источников. Строительство и посвящение новых церквей в епархии не было стихийным, оно предполагало прохождение определенных бюрократических процедур, прежде всего получения разрешения на строительство нового храма у епархиального архиерея (благословенная, храмозданная грамота, в которой указывалось будущее посвящение церкви (или придела), особенности ее архитектурного облика¹⁵), освящение нового престола, назначение туда священника, включение нового объекта в церковный кадастр для сбора церковной дани и прочее. Все эти этапы фиксировалось в епархиальной документации.

Наиболее полным источником по данной проблематике являются приходные книги церковной дани по епархиям. Самый полный за XVII в. комплект таких документов отложился в фонде Патриаршего Казенного приказа в РГАДА¹⁶. Формуляр книг предполагал отдельную фиксацию вновь построенных церквей. В каждой из них представлена панорама посвящений церквей на территории Патриаршей области, которая в середине XVII в. включала в свой состав более 40 городов с уездами (основная часть Европейской территории России). Например, по состоянию на 1640/41 г. в Патриаршей области действовали 2835 церквей. При этом посвящения храмов в этот период в целом были довольно однородны: всего 15 видов посвящений приходится на две трети из них (2151 храм, в том числе 664 храма во имя святого Николая Мирликийского).

Состояние источниковой базы, таким образом, позволяет провести сравнительное исследование об изменении картины посвящений церквей в Патриаршей области на протяжении всего XVII столетия. При этом наиболее перспективным представляется выявление

¹⁵ О проблемах исследования в этой области см., например: *Черкасова М. С.* К изучению церковного строительства в Ростовской митрополии в XVI–XVII вв. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2005. Вып. 15. С. 132–146; *Полознев Д. Ф.* Патриарх Никон шатровых храмов не запрещал, или еще раз о пользе обращения к источникам // История и культура Ростовской земли. 2007. Ростов, 2008. С. 6–26; *Фёдорова О. А.* Храмозданные грамоты и проблема истории шатровых храмов в XVII веке // Искусство христианского мира: Сборник статей. М., 2005. Вып. 9. С. 225–235; *Марченко Н. А.* Литургические особенности закладки и освящения храма в Русской Церкви XVI–XVII вв. по данным архиерейских храмозданных грамот из архива Соловецкого монастыря // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 180–189.

¹⁶ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2.

динамики изменений в этой сфере до и после реформы патриарха Никона, затронувшей почти все сферы религиозной повседневности. Приходные книги церковной дани других епархий (Вологодской, Рязанской, Тобольской, Великоустюжской и др.) также сохранились, хотя и в более лапидарном виде. Изучение и статистическая обработка данных этих источников, их сопоставление с материалами писцовых и переписных книг, описаний монастырей и епархий, без сомнения, дает возможность выявить динамику, региональные особенности и корреляции в церковных посвящениях Московского государства XVII в.

Земскова В. И. И. А. Устинова, изучая церковные престолы в XVII веке, выявила определяющую и унифицирующую роль некоего консолидированного «ктитора» (в данном случае, это был Патриарший приказ). То есть исследование И. А. Устиновой подтверждает, что за одинаковыми церковными посвящениями следует ожидать встретить некую общую программу, *сценарий*, некоего «строителя», действовавшего согласно своим задачам и представлениям. Мне кажется, это наиболее перспективная методика; по меньшей мере, как первый шаг.

Ходаковский Е. В. Интересными являются наблюдения об условных «московских» посвящениях, к которым А. А. Селин относит престолы во имя св. Параскевы Пятницы, обосновывая это высокими статистическими показателями по относительно близкому к Москве Муромскому уезду и их полным отсутствием в Кеврольском уезде. Развивая мысль А. А. Селина, можно трактовать сведения о храмах во имя св. Параскевы на хронологическом отрезке XVI–XVII столетий как еще одно косвенное подтверждение трансформации прежнего регионального «московского» влияния в общерусское через повсеместное распространение культа св. Параскевы Пятницы на Русском Севере. Так, в документах XVI–XVII вв. посвящения во имя св. Параскевы фиксируются в Каргополье (Лекмошрецкий, Надпорожский, Красновский погосты, а также сам город Каргополь), в Нижнем Подвинье (в Верхнематигорском приходе и Емецке), в Поважье (Корбальский приход), в Поморье (Нёнокса, Шуерецкий приход, посад в Архангельске). Если в Кеврольском уезде на Пинеге по данным Н. П. Воскобойниковой в начале XVII в. не было ни одной Пятницкой церкви, то к концу столетия в Волокопинежских волостях появляется, как минимум, один придельный храм во имя этой святой: «В Валдокурской волости церковь теплая святого великомученика Георгия древняя ветхая об одном верху... Той же церкви северную страну предельная церковь великомученицы Параскевии»¹⁷.

Манькова И. Л. Основными источниками по установлению посвящений сибирских церквей XVII в. являются дозорные и переписные книги, составлявшиеся по западносибирским уездам в 1623–1625 гг., 1680–1685 гг. и 1700–1702 гг. Их анализ показывает определенную динамику изменений в посвящениях по хронологическим этапам. На материалах Сибири конца XVI – XVII вв. динамика преобладания тех или иных посвящений по хронологическим этапам прослеживается слабо. На наш взгляд, возможна постановка вопроса не о преобладании, а о появлении новых храмоименований как маркере времени. Например, наблюдается зависимость между пребыванием на российском престоле того или иного царя и появлением престолов во имя святых, счи-

¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 321. Описная Красногорского монастыря церквам, также и в волокопинежских волостях. 1711 г. Л. 11–11 об.

тавших их небесными покровителями. Так, 1610–1620-е гг. появились посвящения придельных престолов во имя св. Михаила Малеина в городских и сельских церквях, с середины XVII в. — во имя св. Алексея, человека Божия. На региональном материале также можно установить связь между ростом популярности местной святыни (например, чудотворной иконы) и увеличением численности посвящений престолов в честь праздника или святого, изображенных на иконе. Так, самой известной святыней Западной Сибири являлась чудотворная икона Знамения Богородицы с предстоящими святителем Николаем Мирликийским и Марией Египетской из с. Абалак Тобольского уезда. Ее обретение произошло в 1636 г. и в честь этого события была построена Знаменская церковь. Распространению почитания иконы способствовали поездки с ней представителей приходской общины по западносибирским уездам. В 1671 г. митрополит Корнилий установил традицию ежегодного принесения чудотворного образа в Тобольск. Ведение регулярных записей о чудесных исцелениях по молитвам Абалакской иконе также стимулировало рост популярности чудотворного образа¹⁸. На наш взгляд, благодаря этому активизировалось посвящение новых церквей. Во второй половине XVII в. Знаменские церкви появились в Тюмени, Верхотурье, Березове и ряде слобод. Вероятно, также имеет смысл говорить не только о хронологических зависимостях, но и о пространственных. Так, в Зауралье наблюдается концентрация посвящений церквей архангелу Михаилу или великомученику Георгию по р. Исеть — контактной зоне с башкирами.

Изменения могут выражаться и в исчезновении каких-то посвящений. Так, до создания Сибирской епархии в 1620 г. решение церковно-административных вопросов в Сибири поручалось архиепископам Великопермским и Вологодским. Скорее всего, по их распоряжению придел соборной Вознесенской церкви в Тобольске, построенной в 1599/1600 г., был посвящен святителю Стефану Великопермскому, крестившему коми-зырян и весьма почитаемому в Прикамье в XVI–XVII вв.¹⁹ После пожара во второй половине XVII в. придел Вознесенской церкви получил другое посвящение — во имя св. Алексея, человека Божия. Других Стефановских престолов больше не появилось, то есть попытка транслировать на Сибирь поддержку культа святителя Стефана не получила дальнейшего развития.

По поводу посвящений престолов св. Параскеве Пятнице. Сибирский материал дает следующую картину. В начале XVII в. Пятницкие престолы были в Тобольске и Таре, к концу XVII в. и в начале XVIII в. появились церкви с таким посвящением в Туринске и Верхотурье, а также по часовне в Тюмени и около Тары. Согласно дозорным книгам 1623–1625 г., в некоторых городских церквях были иконы св. Параскевы Пятницы. В сельской местности две Пятницких церкви обнаруживаются только по данным первой половины XVIII в. На наш взгляд, эти данные не позволяют говорить однозначно о «московском» или «народном» тренде. Скорее всего, это было своеобразное реверсное движение.

¹⁸ Сказание о явлении и чудесах Абалакской иконы Богородицы // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 85–184.

¹⁹ В Чердыни и Соликамске существовали храмы во имя святителя Стефана Пермского. См.: Чагин Г. Н. Русь Московская, Пермь Великая и Стефан Пермский // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры: Материалы международной научно-практической конференции 1996 г. Т. I. Пермь 1997. С. 43–47.

Майничева А. Ю. Действительно, следует обратить особое внимание на пространственный аспект распространения посвящений, поскольку в нем усматривается ключ к причинам появления тех или иных посвящений, связанный с религиозно-мировоззренческими установками полиэтнических сообществ. В зонах совместного проживания Тобольской епархии двух народов (русских и ненцев, русских и татар) отмечено увеличение количества посвящений престолов Архангелу Михаилу, свв. ап. Петру и Павлу, св. Василию Великому, свт. Николаю, выступающих в православной теософии как почитаемые культы, защитные в материальном и духовном смысле, укрепляющие дух, утверждающие ценности, каноны и догматы веры. Нужно отдавать себе отчет, что распространение культов является индикатором конструирования религиозной сферы, если не всегда последовательно планомерной, то и далеко не стихийной.

Применение стратегии духовного окормления в части обеспечения религиозными символами призвано воздействовать на этно-религиозную идентичность паствы, поэтому отдельный исследовательский интерес представляет сама стратегия конструирования знаково-символической стороны религиозной жизни. Например, материалы по Омской епархии показывают, что упомянутая стратегия, приведшая к началу XX в. к широкому распространению там и в сопредельных территориях культа Абалацкой Божией Материи, связана с постоянной актуализацией ее почитания, вызванной жизненными историями чудесных исцелений, произошедших не только в прошлом, но и известных в настоящем, рвением священнослужителей, денежными вкладами благодетелей, созданием списков с нее, передачу их в приходские и приписные церкви, разрешением брать списки с иконы на время в дома, постоянной трансляцией сведений о чудотворности иконы, совершением крестных ходов и молебствий, привлекавших множество людей, круг которых расширялся, в том числе и печатными изданиями²⁰.

Если мы установим эти закономерности, какие открываются перспективы для нового взгляда на историю и культуру Руси / России?

Салмин С. А. Выявление территорий, которые представлялись приоритетными для установления над ними административного контроля в разные хронологические периоды. Порядок освоения территорий и включения их в состав «земель». Динамика роста численности населения и увеличения объема налогов и отработок, получаемых с территорий за счет увеличения числа податных единиц (погостов).

Майничева А. Ю. Полагаю, что исследователи значительно продвинутся в понимании закономерностей развития страны, ее культуры. Появится доказательная основа для анализа характерных черт и истоков этнокультурной идентичности, роли исторической и этнокультурной памяти, особенностей формирования религиозной культуры, исторического опыта и путей конструирования элементов культуры и идентичности.

Выявление традиций и новаций в присвоении посвящений престолов может инициировать появление основы для пересмотра концепции об отставании культурного развития России от Европы и замедленного заимствования русской культурой зарубежных стандартов. Фактологически будет обоснован перенос смысловых акцентов

²⁰ Выводы сделаны на основании материалов Справочной книги Омской епархии. Омск, 1914. 1250 с.

на осознание соотношения категорий традиционности и исключительности в русской культуре, что возможно сделать на примере храмового зодчества, а затем и в других сферах культуры.

Архитектура выражает идеи общества специфическим языком форм, материалов, размеров и пропорций, что дает образный строй зданий и сооружений. В возведении здания церкви просматривается решение двух задач: обеспечение соответствия потребностям богослужения и концепциям христианства, а также материальное воплощение идеи в архитектурном решении. Большое значение имеет символический подтекст, заключенный в произведениях архитектуры, что ярко проявляется в культовых сооружениях вообще, и православных церквях в частности. Одной из дискуссионных проблем является традиционность образно-символического строя православного храмового зодчества. Сейчас распространены оценочные мнения о традициях построения церковной архитектуры, страдающие субъективизмом. Символика посвящений престолов как устойчивая характеристика сооружения может помочь в поиске возможных истоков образно-символического строя здания как результата архитектурного творчества эпохи, находящегося под существенным влиянием циркулирующих в обществе идеологем. На сибирских материалах были установлены семантические особенности церквей с бочечным покрытием с престолами во имя Богородицы и Троицы, построенных в XVII–XVIII в., которые стали одним из этноконфессиональных маркеров идентичности русских на сибирских землях. Опять-таки это единичный случай. Символизм форм, опосредованно связанный с посвящениями престолов, во многих случаях еще только предстоит установить. Например, исследовательский интерес представляют посвящения известных только в русской культуре церквей «иже под колоколы».

Был выявлен принцип построения плана церквей по «схеме Троицы»²¹. Дальнейшие исследования закономерностей присвоения посвящений, их значимости, роли, распространенности могут показать перспективы обнаружения еще каких-либо графических схем, связанных с православными теософами, которые лежат в основе построения храмов.

Взаимопроникновение и взаимовлияние различных феноменов культуры и искусства, основанные на общности воззрений и понятий, имеют широкое распространение. Предметы прикладного искусства, выполненные в различных техниках и материалах, имеют общие сюжеты, формы архитектуры обладают единством с формами предметов быта. Можно привести в качестве примера прялку-башенку Ярославской губернии, на форму которой оказали влияние архитектурный образ шатровых храмов и колоколен XVII в.²² Явление взаимопроникновения культурных феноменов было характерно и для более ранних эпох, о чем писал Б. А. Рыбаков²³. Наблюдается совпадение стилистики и сюжетов архитектуры, украшений, утвари, книжной орнаментации. Все это позволяет предполагать расширение поля исследований архитектуры и ремесел в связи с теософскими феноменами, нашедшими выражение, например, в предпочтениях в посвящениях престолов в том или ином регионе.

²¹ *Mainicheva A. Y.* «As the measure and beauty suggest»: Traditional principles of geometry in Russian Orthodox churches // *Anthropology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2015. Vol. 43. Iss.1. P. 135–143.

²² *Тарановская Н. В., Мальцев Н. В.* Русские прялки. Л., 1970. С. 11.

²³ *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X–XIII вв. Л., 1971. С. 27–28.

С проблемой традиционности в культуре тесно связан вопрос преемственности, то есть с тем, насколько прочно новации встраиваются в систему культуры, развиваются в виде инноваций, приобретая черты традиционности, и, как следствие, получают ту или иную степень распространенности, что также требует специальных исследований.

Земскова В. И. Зависит от того, какие закономерности обнаружатся. Топография Борисоглебских престолов показала, каким был политический идеал Рюриковичей между распадом Древнерусского государства в 1130-е годы и до исчезновения уделов к началу XVII века. Вполне вероятно, что за повторяемостью других посвящений или их сменой тоже стояли некие реалии.

В целом же, если мы найдем в церковных престолах новый источник изучения русской истории, это сильно обогатит наше понимание ее, а возможно, и каким-то образом изменит его или скорректирует.

Ходаковский Е. В. Можно предположить, что через анализ динамики посвящений можно по-новому взглянуть на известные процессы политической и культурной централизации Московской Руси, в ходе которых ранее локальные культы (например, св. Параскевы Пятницы) становятся повсеместными, и святые, непосредственно связанные с каким-либо регионом (свв. Зосима и Савватий Соловецкие или св. Александр Свирский) входят в общерусский пантеон. Символическим воплощением этой мобильности становится Филипп Колычев, представитель московской аристократии, который полностью преобразует и преобразует культурно-религиозный ландшафт Беломорья. Если в молодости он приносит с собой на Соловки интеллектуальный потенциал московской знати, то возвращение Филиппа в столицу для принятия митрополичьей кафедры ознаменовало соединение мистического духовного опыта северного подвижничества с глубоким рациональным пониманием драматизма политических процессов в системе государственного управления 1560-х гг.

Манькова И. Л. Если говорить о пространственном измерении, то любопытно было бы посмотреть, сколь далеко от места прославления святого (имеется ввиду «местного», «национального») распространялось его почитание, выражавшееся в том числе в посвящениях церквей. В связи с этим возникает вопрос о каналах распространения почитания: были ли они «вертикальными» (сыграла ли здесь свою роль церковно-государственная политика?), либо «горизонтальными» (переносились ли переселенцами?). Были ли точки пересечения «вертикальных» и «горизонтальных» каналов? Эти вопросы открывают перспективы для анализа центр-периферийных и межрегиональных связей, а также механизмов формирования региональных идентичностей. Например, заслуживает внимания связь посвящений сибирских церквей во имя св. Димитрия Солунского, Спаса Нерукотворного образа и летописного нарратива о походе Ермака.

Выше В. И. Земскова обратила внимание на существование «сценариев» строительства в связи с распространением посвящений св. Борису и Глебу, а также св. Сергию Радонежскому. В сибирских городах Верхотурье, Тюмени, Таре, Туринске Борисоглебские престолы фиксируются в начале XVII в., но затем они исчезают, либо антиминсы главных престолов после пожаров переносятся в приходские. Мы склонны связывать их появление с правлением царя Бориса Годунова. Но в начале XVIII в. Борисоглебские престолы вновь появились, но в других городах (Тобольск, Березов). В сельской мест-

ности на протяжении XVII в. таких посвящений вообще не было. Крайне редкое явление для Сибири XVII в. и храмоименования во имя преподобного Сергия Радонежского. Первая Сергиевская церковь была построена в 1679 г. на архиерейском дворе митрополитом Павлом, выходцем из московского Чудова монастыря. В 1686 г. ее перевезли в архиерейское Преображенское село, а в Тобольске построили каменную Сергиевскую церковь. В сельской местности еще две одноименных церкви появились только в первой половине XVIII века. В дозорной книге Тары 1701 г. зафиксирована часовня во имя св. Сергия Радонежского около торговых рядов²⁴. Сибирский материал XVII в. показывает явную смену этих «сценариев», закрепление московского влияния шло уже через другие православные символы. Может быть, имеет смысл для периода, начиная с XVII в., ставить вопрос не о «сценариях» строительства, а об «идеологических программах»? Такой исследовательский фокус мог бы дать новый взгляд.

Устинова И. А. Исследование русской средневековой культуры и ментальности, региональных особенностей страны в их динамике невозможно без изучения религиозной повседневности, возникновения, подъема и ослабления культа отдельных святых и праздников, выявления факторов, влиявших на эти процессы. При установлении закономерностей и связей в выборе храмовых посвящений, региональных и хронологических особенностей этого процесса станет возможной более детальная реконструкция процессов распространения, подъема и ослабления культа отдельных святых, выявление связи этого процесса с общей динамикой религиозного сознания в стране на фоне нестроений времен опричнины и Смуты, восстановительного периода второй четверти XVII в., церковных и социально-политических изменений второй половины столетия, а также раннепетровского времени. Подобные сведения составят важную эмпирическую основу для дальнейшего изучения религиозной повседневности различных слоев русского общества, истории общественного сознания периода Московского царства, расширения представлений о его семантической системе, особенностях ее становления и связи с ключевыми событиями внутренней и внешней политики государства.

Весьма перспективным и оправданным представляется тезис А. А. Селина о влиянии на динамику посвящения храмов в Новгородской земле лиц, оказавшихся переселенными на эту территорию. Это наблюдение можно дополнить другими примерами. Так, редкие, сложные с богословской точки зрения посвящения храмов Патриаршей области к середине XVII в. встречаются преимущественно в столице или в монастырях, где уровень богословского образования был заведомо выше.

К аналогичному выводу пришла Л. Б. Сукина, исследовав посвящения храмов XVI–XVII вв. в период активизации храмоздательной деятельности торгово-ремесленным населением городов и купечеством. Она справедливо отметила, что в этой среде сохраняется традиционный выбор храмовых посвящений из небольшого числа вариантов, имеет место значительное «снижение веры, ее адаптация к духовным нуждам и религиозным чувствам не искушенного в высоком “государственном” богословии обычного прихожанина»²⁵.

²⁴ Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: В 3 т. Т. 1: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года / Отв. ред. Н. А. Томилов; Подгот. к изданию М. Л. Бережнова и др. Омск, 2021. С. 13.

²⁵ Сукина Л. Б. Человек верующий в русской культуре XVI–XVII вв. М., 2011. С. 211.

Совсем иная картина выбора посвящений церквей возникает при обращении к исследованию сакральных программ храмовых комплексов в монастырях, основанных русскими архиереями в XVII в., а также царских резиденций. Самые яркие примеры — программа Ново-Иерусалимского монастыря, разработанная патриархом Никоном, комплекс Ростовского архиерейского дома, авторства митрополита Ионы (Сысоевича)²⁶. При проектировании в царских резиденциях, определении посвящений церквей и даже их внешнего вида решающую роль играл заказчик, то есть сам царь²⁷.

Представляется, что социальная принадлежность, уровень образования и культурные предпочтения ктиторов храма, оказывали влияние на выбор храмовых посвящений, а современное состояние источниковой базы позволяет реконструировать эти процессы, и, нередко, уточнить влияние социальной принадлежности ктиторов на выбор посвящений. Выявление таких связей позволит уточнить существующие представления о чиновно-сословной структуре русского общества в XVII в. и ее динамики в социокультурном контексте.

Можно ли увидеть в этих закономерностях «национальный» характер, специфику определенной страны, влияние социальных групп и т.д.?

Майничева А. Ю. Установление закономерностей нелегкий и противоречивый процесс, не менее трудна и интерпретация их в событийном или этническом аспекте. Необходимо придерживаться выбранных исследователем критериев (а их достоверность также нужно проверять), не поддаваться на «очевидные» доказательства и факты, многократно проверяя их. Кроме того, в определенной степени любые интерпретации и выводы будут гипотетическими и субъективными.

Если обратиться к проблемам специфики посвящений и отражения в них влияния культурного фона или социальных групп, то можно привести сибирские примеры, касающиеся, скажем, культов Софии Премудрости Слова Божия и св. вмч. Варвары, выделив принципы их актуализации в истории. Интерес и освящения в их имя алтарей фиксируются, когда событийность, включая эпизоды биографий, исторические события локального, регионального или общегосударственного масштаба соотносились с фактами из истории христианства и житий святых, а также со значимыми датами. Актуализация культов была нацелена на то, чтобы вписать реальные события в контекст религиозной жизни.

Посвящение престола Софии Премудрости на протяжении веков высоко ценилось, было редким и имело элитарный характер, связанный с теософскими, труднопонимаемыми в народной среде религиогемами. Замечено, что в качестве главных такие престолы находились в соборах столичных городов, крупных центров православия — в Константинополе, Софии, Киеве, Полоцке, Новгороде, Вологде, Тобольске.

²⁶ Мельник А. Г. Ростовский митрополит Иона (1652–1690) как творец сакральных пространств // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 741–742.

²⁷ Топычканов А. В. Политическое пространство царских загородных резиденций второй половины XVII в. М., 2019. С. 29, о программах резиденций в Коломенском и Измайлове: с. 241–250.

Посвящение престолов св. вмч. Варваре являлось также редким — она считалась покровительницей ряда профессий — но оно не было элитарным, а на рубеже XX–XXI вв. стало узкоспециализированным. Современная актуализация культа св. вмч. Варвары приобрела своеобразный аспект. Официальной датой образования ракетных войск стратегического назначения России является 17 декабря 1959 г.²⁸ В конце XX в. на фоне возврата внимания к религиозным ценностям ее совпадение с днем памяти св. вмч. Варвары привело к тому, что в 1995 г. св. Варвара была выбрана небесной покровительницей этих войск, а в 1999 г. по благословению патриарха Алексия II ее икона была доставлена на борт орбитальной станции «Мир»²⁹.

Имеют свою специфику не только вербализация и частотность самих посвящений, но интенсивность, охватность и особенности процесса их распространения или, напротив, свертывания. Материалы по храмам Тобольской епархии начала XX в. показывают, что на момент составления епархиального справочника 1913 г. происходило расширение и укрепление церковной системы: строились церкви, часовни, молитвенные дома на новых территориях в новых переселенческих поселках (шел процесс Столыпинских переселений в Сибирь), учреждались престолы с уже ставшими традиционными и новыми посвящениями. Этот процесс был прерван социальными преобразованиями советского периода. Характерной же чертой современности является процесс возвращения уже освоенных территорий к системному размещению храмов.

Салмин С. А. Несмотря на то, что может возникать ощущение приуроченности посвящений к национальным территориям, здесь все равно будут действовать предпочтения миссионерских коллективов. Профессиональные корпорации более вычленимы (во всяком случае Петропавловские погосты на Псковщине связаны с наиболее крупными рыбными ловлями региона и с территориями, где основная часть населения была связана с «промышленным» рыболовством. Вероятно, это может быть соотнесено и со сбором «рыбного» оброка, приуроченному к Петрову дню. Возможно, этот выбор престолов обусловлен не только рыбацким прошлым Петра-апостола, но и тем, что первоначально на этой территории присутствовали не церкви, а только часовни, где основные богослужения проходили нерегулярно и приурочивались к периоду сбора оброка). Вероятно, проще выявить причины отсутствия тех или иных посвящений — отсутствие среди псковских погостских престолов Троицких, Благовещенских и Тимофеевских посвящений напрямую связано с узурпацией Псковом культов Св. Троицы, Гавриила-Всеволода и Тимофея-Довмонта.

Земскова В. И. Выводы о специфике придется делать по завершении (окончательном или этапном) изучения одного, значительной их части или всех церковных престолов. Выражение «“национальный” характер», даже взятое в кавычки, релевантно лишь для территории, на которой осуществляется коллективная самоидентификация³⁰.

²⁸ Ракетные войска России // Военный обзор. Режим доступа: <https://militaryarms.ru/armii-mira/raketnie-voyska/> (последнее посещение — 12 февраля 2024).

²⁹ См.: Бугаевский А. В., Жаворонков П. И., Жиленко И. В., Лукашевич А. А., Герасименко Н. В. Варвара // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. VI. С. 562.

³⁰ Идея *identity* вполне обращается и вглубь истории; ср.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма (1-е изд. — 1991; русск. пер. — М., 2001).

Собственно, изучение церковных престолов, как побочное свое следствие, и должно выделить идентификационные границы (областные, социальные и прочие). Бесспорно, князья являлись «социальной группой», определявшей церковное строительство. Могут лишь добавить, изучение Борисоглебских престолов попутно опровергло предположение об участии в их строительстве иных социальных групп, кроме князей (что, само по себе, положительный итог).

Повторю: отталкиваться, как мне представляется, следует от самих престолов. Например, Никольские и Пятницкие церкви, несмотря на широкую распространенность, не получили своего исследователя. В первом приближении выбор этих святых позволено назвать «национальным», а древнерусская поговорка «от Холмогоры до Колы тридцать три Николы» и привязка церквей Параскевы Пятницы к торговым местам вроде бы свидетельствуют, что их должны были строить представители купечества, — но подтверждений, какую именно специфику несут эти посвящения, у нас нет.

Ходаковский Е. В. Наблюдение А. А. Селина, касающиеся увеличения количества престолов во имя Покрова Богоматери, отчасти можно связать именно с формированием не только национальной территориальной общности, но и исторической памяти. В частности, здесь можно указать на связь этого праздника с военными событиями, имевшими важное историческое значение для Руси. К ним можно отнести поход на Константинополь 860 г., окончившийся неудачей, однако ставший первым событием на пути будущего цивилизационного поворота Руси в сторону именно византийской церкви. Немаловажным является и посвящение празднику Покрова одного из наиболее известных храмов в строительной программе Андрея Боголюбского — на Нерли, неподалеку от великокняжеской резиденции (1165 г.). Покровская тема вновь актуализируется после Казанской осады 1552 г., продолжившей цивилизационный ход русской истории. В этой связи закономерным является и обращение к домонгольским посвящениям храмов Свв. князьям Борису и Глебу, чье присутствие было обозначено даже на самой отдаленной периферии московского государства — в церкви, построенной св. Трифоном Печенгским на пограничной Пазреке в Кольском уезде.

Говоря о социальных группах, можно выделить посвящения, связанные с хозяйственной деятельностью крупнейших монастырей, имевших свои подворья по всему Северо-Западу. Это способствовало появлению монастырских храмов во имя св. Сергия Радонежского, свв. Зосимы и Савватия Соловецких, св. Кирилла Белозерского. Интересно, что даже после упразднения северных подворий в некоторых случаях память об этих святых сохранялась в этих местах на долгие столетия. Показателен пример из строительной практики конца XIX в., когда крестьяне Варзугского прихода изъявили желание пристроить к древнему храму новый придел во имя св. Сергия Радонежского: «движимые благоговейным почтением к памяти преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского Чудотворца, во имя коего существовал в селе нашем храм (сгоревший в давние годы) и день преставления коего (25 сентября) и поныне читается нами как храмовый праздник, вознамерились мы соорудить на свои средства во имя сего святого придел с правой стороны существующего деревянного Николаевского с Ильинским (с левой стороны) приделом, храма...»³¹. При этом не вполне понятно,

³¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1498. О пристройке Сергиевского придела к Николаевской церкви Варзугского прихода Кольского уезда. 1899 г. Л. 2.

о какой именно Сергиевской церкви говорили крестьяне, поскольку подтвердить ее существование по известным документам невозможно.

Земскова В. И. Е. В. Ходаковский заметил, что Борисоглебская церковь на Кольском полуострове в Пазрецком погосте, выстроенная св. Трифоном († 1583), просветителем лопарей, является примером «закономерного обращения к домонгольским посвящениям... после Казанской осады 1552 г., продолжившей цивилизационный ход русской истории». Церковь не упоминается в житии преп. Трифона, но главное, ее появление — в новооснованном монастыре и трудами человека, предположительно, из торгового сословия — не соответствует выявленной, и повторяющейся всюду, топографии Борисоглебских престолов и социальному составу их основателей (всегда князья). Вероятнее всего, на рассказ повлияло наличие Борисоглебского монастыря в Торжке, весьма заметного памятника в этом городе, откуда преп. Трифон был родом³².

Чем объясняется более редкое обращение в посвящениях к местным и национальным культам, чем к культам святых, общих для православного мира?

Салмин С. А. Если святой пользовался большим почитанием в центральном поселении территории, могла происходить узурпация возможности поклонения ему со стороны «властей предрежащих». Одновременно с этим многие местночтимые святые долгое время не могли пройти процедуру беатификации, что, вероятно, приводило к поклонению им в «ребусной» форме посвящений (по примеру Гавриил = Благовещение, Андрей = Покров, Иоанн = Богоявление, Михаил = Михаил Архангел).

Немалую роль играло отношение к святому местных владык, без чьего благословения не могло возникнуть новой церкви. В ряде случаев почитание местночтимых святых выражалось через посвящение им часовен, камней, источников.

Майничева А. Ю. Однозначно на этот вопрос трудно ответить, скорее всего работает комплекс причин. В каждом конкретном случае требуется проводить особое исследование. Для установления закономерностей нужно иметь широкий набор данных. Вместе с тем можно высказать ряд предположений. Коль скоро был задан общий вопрос, постараюсь исходить из общих положений, характерных для православия как христианского явления культуры: традиционности, преемственности, иерархичности, а также вписывания фактов земной жизни в ткань теософии христианской истории.

Если следовать принципу необходимости охвата литургическим служением календарного цикла, то более редкое обращение в посвящениях к местным культам, чем к культам святых общим для православия, вполне объяснимо. Существуют определенные правила упоминания святых, святых отцов, патриархов. Богослужение является ритуализованным действием, в котором местным культам придается установленное иерархическое значение.

В определенные периоды проявляется усиление интереса к тому или иному культу, в том числе и региональному по значимости. Например, в Новосибирской митрополии на рубеже XX–XXI вв. выявлен интерес к регионально значимым культам, здесь появились посвящения во имя Всех святых сибирских, во имя св. Симеона Верхотурского,

³² Ср.: *Земскова В. И.* Борисоглебские церкви в политической истории России XII–XVII веков. С. 336 и 115–124.

св. Феодора Томского, св. Макария (Невского), митрополита Алтайского, св. Иоанна, митрополита Тобольского — ранее их не было. Причины повышения интереса, в том числе и в Сибири более ранних периодов, пока ждут своего исследователя.

Существует сочетание местного или личного с общим, когда, например, посвящение престола во имя св. Евгения Мученика церкви при Заельцовском кладбище г. Новосибирска было связано с желанием увековечить память о погибшем местном жителе в соответствии с православными традициями, что создает местный оттенок характера культа при его остающейся всеохватности. Примеров вписывания личных историй в контекст религиозной жизни православного универсума много, это обычная практика. В глазах верующих формально общий культ приобретает выраженный личный или местный оттенок.

Нельзя не учитывать и того, что в истории России, а Сибири в особенности, главы епархий, иной раз были присланными, учившимися и служившими ранее в епархиях других регионов, поэтому местные культы им были не близки. А ведь именно они давали разрешения на освящение престолов.

Феномен сочетания личного и общего, всеохватного, является характерным принципом православия, что проявляется и в отношении к самим храмовым зданиям. Каждый православный храм посвящен, прежде всего, Богу, посвящения престолов несут уточняющий, частный, хотя и безусловно значимый смысл. Это положение многократно подтверждается в христианских книгах и фактическими находками. Под жертвенником екатеринославской церкви Успения Богородицы была найдена свинцовая доска с надписью «Основана сия церковь в губернском городе Екатеринославе во славу Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в честь и память Успения Пресвятыя Богородицы. Августа месяца 31 дня в день празднования положения честного пояса Пресвятыя Богородицы»³³. Само здание церкви трактуется как преходящее в противовес долговечному, обозначенному местом антиминса. Жители сибирских городов, погоревав над утратой сгоревшего в пожаре храма, а пожары были часты, собравшись с силами и финансами, строили новое здание, заботясь прежде всего о воспроизведении местоположения антиминса, о сохранении его неподвижности.

В редком выделении из общего, в преобладании посвящений престолов святым, общим для православного мира, отражается христианское понимание, заключенное в положении св. апостола Павла в Послании к Галатам: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»³⁴. Эта идея единства в Боге в какой-то мере отрицает необходимость частного и особенного, в пользу преобладания общего. Приобщение к чему-то большему, чем ты сам и твое ближайшее окружение, имеют для человека особое духовное значение в почитании православных ценностей.

Земскова В. И. Во-первых, массовая общерусская канонизация произошла лишь в 1547–1549 годах³⁵, во-вторых, канонизированных русских святых не так много

³³ Яворницкий Д. И. История города Екатеринослава. Днепропетровск, 1989. С. 125.

³⁴ Гал. 3:28–29.

³⁵ Ср. более раннюю историю канонизации в книге: Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1988. 206 с. — В 1547–1549 гг. канонизировали 39 человек (Там же. С. 170–171).

в сравнении с общеправославными, в-третьих, никто не считал соотношение церквей в память тех и других внутри каждого из списков. Не известно соотношение между посвящениями отдельным святым и годовыми праздниками, равно как и соотношение внутри годовых церковных праздников; я не говорю о церквях в честь Богородичных икон. Да, Рюриковичи ставили церкви в память своих святых, но — хотя бы в силу ограниченности их именослова — даст ли это большой перевес общеправославным святым? В любом случае, и здесь следует начинать с выявления списка посвящений — общеправославного или местного происхождения.

Ходаковский Е. В. Относительно редкое обращение к местным культам проистекало как от ощущения сопричастности православному миру, так и благодаря возросшей роли Московской Руси в рамках концепции «Москва — третий Рим». Преодоление ересей стригольников и жидовствующих, активная богословская полемика консолидировали русскую церковь подобно тому, как Вселенские соборы способствовали укреплению православия в первые века Византийской Империи. Наглядным воплощением этой прочной исторической взаимосвязи и преемственности в сохранении православной веры являются росписи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, выполненные Дионисием в 1502 г. В нижнем регистре представлены изображения Вселенских соборов, что могло символически указывать на ту же роль великого князя Ивана III в борьбе с ересью, которую некогда сыграли византийские императоры, присутствовавшие на соборах.

Даже абсолютное доминирование посвящений Св. Николаю можно воспринимать не столько как почитание «русского Николы», сколько следование единой и давней христианской традиции. То же можно сказать и о других посвящениях — во имя св. Георгия или Пророка Илии. Кроме того, существенную объединяющую функцию играли и монастырские посвящения на Севере празднику Преображения, обусловленные практикой русских последователей XIV–XV вв. византийских исихастов, и в той или иной степени влиявшие на наименования престолов в приходских церквях. По данным Г. В. Демчук и Н. Н. Уткина, на Каргополье церкви во имя Преображения занимают второе место по количеству после Никольских посвящений)³⁶.

Значительное количество Богородичных церквей (Рождества, Введения во храм, Сретения, Благовещения, Покрова, Успения, а также в честь явлений икон), вышеупомянутые апостольские престолы, равно как и широко распространенные храмы во имя Св. Троицы, Рождества Христова, Богоявления, Воскресения оставляли гораздо меньше возможностей для посвящений локальным святым. Кроме того, многие из общехристианских святых начинали занимать особое место в религиозных представлениях русского крестьянства (например, свв. Флор и Лавр или Параскева Пятница), что придавало их культу особую «национальную» окраску.

Устинова И. А. Выбор посвящений храмов, рост популярности тех или иных святых не может быть объяснен каким-либо одним обстоятельством. Тем не менее, как представляется, важно обратить внимание на хронологию развития почитания русских святых. Одним из наиболее важных этапов в становлении и развитии культа местных

³⁶ Демчук Г. В., Уткин Н. Н. Посвящения церквей в Каргопольском уезде по сотным выписям XVI в. // Христианство и Север: По материалам VI Каргопольской научной конференции / Научн. ред и сост. Н. И. Решетников. М., 2002. С. 40.

русских святых стали церковные соборы 1547 и 1549 гг., на которых было установлено почитание более трех десятков русских святых (среди них Зосима и Савватий Соловецкие, Макарий Калязинский, Павел Обнорский, Дионисий Глушицкий, Стефан Пермский, Савва Сторожевский и другие). Посвящение храмов вновь прославленным святым начиналось после официальной канонизации и прежде всего в местах, связанных с их жизнью и подвигом. На распространение культа за пределы региона первоначального почитания требовалось время. Примером темпов и динамики этого процесса может служить ситуация с посвящениями в Патриаршей области по состоянию на 1640/41 г. Лишь 3 % храмов этой епархии (81 из 2835) были посвящены русским святым. При этом заметна корреляция между временем, прошедшим с момента канонизации и количеством храмов: святым Борису и Глебу (прославлены в XI в.) посвящено 34 храма, преподобному Сергию Радонежскому (канонизирован в XV в.) — 18 церквей³⁷. Разумеется, следует учитывать и другие факторы при выборе посвящений русским святым — популярность того или иного святого, известность и понятность его подвига широким социальным слоям, политическая востребованность и прочее. Так, святому Владимиру (канонизирован, вероятно, в XIII в.) в Патриаршей области было посвящено лишь три храма, митрополиту Московскому и всея Руси Петру (канонизирован в XIV в.) — 5, Леонтию, епископу Ростовскому (прославлен в XII в.) — один. При объяснении относительно редкого выбора для посвящения храмов русских святых стоит учесть и то обстоятельство, что посвящения другим святым (за исключением святого Николая Мирликийского) по количеству выборов также уступают посвящениям во имя праздников Господского и Богородичного цикла, как более универсальным, понятным широким социальным группам.

Манькова И. Л. Вероятно, этот вопрос возник, исходя из общих тенденций, вырисовывающихся из сравнения статистики по разным регионам. И в Западной Сибири общая картина церковных посвящений отражала ситуацию, характерную для тех территорий, откуда шел основной поток колонистов — Поморье, Великий Устюг, Сольвычегодские и Пермские земли, Вятка. Среди святых, которым посвящались престолы абсолютно преобладал святитель Николай Мирликийский, затем по частоте посвящений шли Илия пророк, архангел Михаил и великомученик Георгий.

К XVII в., когда началась массовая крестьянская колонизация Сибири, уже сформировались устойчивые представления о защитных функциях этих святых в кризисных ситуациях на всей территории Российского государства. Вместе с тем, в этом ряду должны были бы быть Флор, Лавр и Власий как избавители от эпизоотий. Именно такую картину можно наблюдать по посвящениям часовен в Важском уезде и Устьянских сохах³⁸. Но в Западной Сибири чаще чем посвящения Флору и Лавру встречаются храмоименования во имя Прокопия Устюжского. Они встречаются и в городах (Тобольск, Тара), и в сельской местности. Ему посвящены самые ранние сельские церкви в Верхотурском уезде (Салдинский погост) и в Тюменском уезде (с. Каменка). Согласно переписным книгам 1621 и 1623/24 гг., большинство жителей ближних к Салдинскому

³⁷ Подробную таблицу посвящений см.: Устинова И. А. Посвящение храмов в Европейской части России в середине XVII в. С. 236.

³⁸ Яницкий Н. Ф. Северорусская часовня в конце XVII в. (по переписи часовен 1692 г.) // Юбилейный сборник статей членов студенческого историко-этнографического кружка при имп. университете св. Владимира. Киев, 1914. С. 132.

погосту деревень пришли из Перми Великой в первые годы XVII в., а подавляющая часть населения с. Каменка имели прозвище «Усолец»³⁹. Из этого следует, что почитание Прокопия Устюжского пришло в Сибирь не с выходцами из Великого Устюга, где этот культ возник, а в результате расширения ареала его популярности на Пермские и Сольвычегодские земли, и это произошло довольно рано.

Устюжские «Христа ради юродивые» Прокопий и Иоанн были канонизированы и причислены к списку местночтимых святых на Московском соборе 1547 г., а их житийный цикл формировался до 1660–1670-х гг. Е. Н. Швейковская на основе расходных книг «всеземских мирских денежных сборщиков» второй половины XVII в. проанализировала масштаб празднования дня памяти Прокопия в Великом Устюге и ближней округе⁴⁰. Ее наблюдения показывают, что за церковными посвящениями стоят ритуальные практики, объединявшие людей, способствовавшие формированию локальной идентичности. Стремление сохранить традицию престольных праздников, бытовавших на родине, могло быть одним из мотивов в выборе посвящений престолов колонистами на новых землях. И это касается не только местных и «национальных» святых.

Хочу развить мысль А. А. Селина о том, что далеко не всегда народные культы тех или иных святых напрямую отражались в посвящениях церквей. Так, св. Трифон Вятский, прославившийся строительством монастырей на Вятке и в Пермских землях, особо почитал великомученицу Екатерину, что выразилось в строительстве им обydенной Екатерининской церкви в 1579 г., около которой возник Преображенский Екатерининский монастырь. Святой Екатерине он также посвятил один из 7 престолов в Успенской церкви Вятского Трифонова монастыря⁴¹. В западносибирских документах XVII в. нам встретилось четыре посвящения великомученице Екатерине, в том числе в Тарском Пятницком монастыре. Можно предположить, что почитание св. Трифона Вятского переселенцами с Вятки могло мотивировать выбор и в честь св. Екатерины. На наш взгляд, при анализе статистики посвящений во имя местных и «национальных» святых необходимо обращаться и к их феноменологии.

Майничева А.Ю. Ни в коей мере не подвергая сомнению выводы И. Л. Маньковой по поводу распространенности престолов св. Илии пророка, св. Архангела Михаила, св. вмч. Георгия, свв. Флора и Лавра, свв. Прокопия и Иоанна Устюжских, поскольку исследовательница говорит о Западной Сибири в целом, замечу, что подсчеты, сделанные по Справочной книге Тобольской Епархии 1913 г., показывают несколько иную ситуацию. Для наглядности данные сведены в таблицу (см. Таблицу 1). В XVIII в. наиболее часто встречаются посвящения пророку Илии, что отличается от данных И. Л. Маньковой. Затем по частоте следуют посвящения вкм. Георгию. В XIX в. значительно увеличивается число возводимых храмов, среди них количество церквей с престолами во имя св. Архистратига Михаила возрастает до 23, выходя на первое место, во имя св. пророка Илии – до 14, св. вмч. Георгия – до 6. Также 6 храмов освятили во имя св. Прокопия Устюжского (в XVIII в. их совсем не отмечено). Посвящения во имя свв. Прокопия и Иоанна

³⁹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 1. Л. 8–92; Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 500об.–501.

⁴⁰ Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – XVIII века. М., 2012. С. 325–340.

⁴¹ Кустова Е. В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря: В 2 т. Т. 1. История монастыря от основания до наших дней. Киров, 2012. С. 127.

Устюжских, свв. мч. Флора и Лавра оставались единичными. В целом к началу XX в. зафиксировано 97 различных наименований престолов, общее количество престолов составило 625, причем только для 28 из них не указано время постройки (около 4 % от общего числа, что позволяет пренебречь ими в анализе). Наибольшее количество престолов во имя свт. Николая Чудотворца — 79, существенно меньше церквей в честь Пресвятой Троицы — 49, Покрова Пресвятой Богородицы — 34, св. Архистратига Михаила — 31, Рождества Христова — 27, св. ап. Петра и Павла — 25, св. пророка Илии — 23, Казанской иконы Божией Матери — 17, Успения Божией Матери — 14, Знамения Божией Матери и св. Нерукотворного образа Спасителя — по 12, Воздвижения св. Животворящего Креста, Введения во храм Пресвятой Богородицы, Рождества Богородицы, Трех святителей, вчм. Георгия Победоносца, Сретения Господня — по 11, Преображения, св. ап. Иоанна Богослова — по 10, другие наименования встречаются каждый менее 10 раз. Из приведенных данных следует, что в количестве и наименованиях отражается временная динамика посвящений, построенная по столетиям, хотя правильнее было бы получить сведения по историческим периодам (например, в соответствии со сменой гражданской или церковной власти), но источник не позволяет это выполнить.

Таблица 1. Динамика возведения храмов с престолами св. Архистратига Михаила, св. пророка Илии, св. вчм. Георгия, св. Прокопия Устюжского, свв. Прокопия и Иоанна Устюжских, свв. мч. Флора и Лавра. Тобольская епархия (на 1 сентября 1913 г.)

Наименование престола	Кол-во престолов в храмах, построенных в					Всего престолов
	XVII в.	XVIII в.	XIX в.	XX в.	Не указано	
св. Архистратига Михаила	—	1	23	4	3	31
св. пророка Илии	—	4	14	5	—	23
св. вчм. Георгия Победоносца	—	2	6	3	—	11
св. Прокопия Устюжского	—	—	6	—	—	6
св. Прокопия и Иоанна Устюжских	—	1	2	—	—	3
св. мч. Флора и Лавра	—	1	1	—	1	3

Мне кажется, что имеющиеся расхождения у исследователей, даже работающих в рамках одних и тех же регионов, еще раз говорят о необходимости тщательного анализа, критики, согласования сведений из разнородных источников и выбора единицы для подсчетов не территории, а епархии.

Информация о статье

Исследование А. Ю. Майничевой выполнено в рамках программы FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

Авторы: Земскова, Вера Ивановна — кандидат философских наук, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург; Orc ID 0000-0002-3825-0078; e-mail: byzros@gmail.com

Майничева, Анна Юрьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, главный научный сотрудник, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусства, Новосибирск, Россия; Orc ID 0000-0002-0784-4252, Scopus ID 35221985800, Researcher ID J-4247-2012, SPIN-код 2538-8771; e-mail: annmaini@gmail.com

Манькова, Ирина Леонидовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской Академии наук, Екатеринбург, Россия; Orc ID 0000-0003-1496-0574, SPIN-код 8220-1826; e-mail: ilman.08@mail.ru

Салмин, Сергей Анатольевич — старший научный сотрудник, Псковский археологический центр, Псков, Россия; Orc ID 0000-0002-2985-4996, SPIN-код 9906-8772; e-mail: solvarg@rambler.ru

Устинова, Ирина Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр истории русского феодализма, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия; Orc ID 0009-0003-2488-9705, SPIN-код 7140-7361; e-mail: ilustinova@yandex.ru

Ходаковский, Евгений Валентинович — доктор искусствоведения, заведующий кафедрой истории русского искусства, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Orc ID 0000-0003-1800-327X, SPIN-код 8742-2682, Author ID 466905; e-mail: E.Khodakovsky@spbu.ru

Заголовок: О чем нам говорят посвящения церквей в Московской Руси XVI–XVII вв.? Дискуссия

Резюме: Как складывалось сакральное пространство православных епархий в XV–XVII веках? Можно ли определить закономерности в посвящении православных церквей определенным святым? Участники дискуссии анализируют эти вопросы, опираясь на опыт собственных исследований на разных территориях Московской Руси — европейской части и Сибири. Исследования показывают, что строительство храмов и посвящение их православным святым, православным праздникам — это своеобразный индикатор духовного освоения территории, ее обживания. Динамика посвящений престолов городских и монастырских соборов, городских и сельских приходских церквей отражает особенности формирования приходской структуры, показывает взаимосвязь общегосударственных и локальных процессов. Изучение церквей Московской Руси становится репрезентативным после появления детальных описаний сельского пространства в конце XV в. Трансформации социальной структуры государства, изменения внутренних и внешних границ приводят к динамичным изменениям в посвящениях престолов церквей и изменениям в приходской структуре.

Ключевые слова: святые, история Православной церкви, почитание святых, традиционная культура, приход, церковь, история культуры

Список литературы, использованной в статье:

Андерсон, Бенедикт. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. (Малая серия «CONDITIO HUMANA» в серии «Публикации Центра фундаментальной социологии»). 288 с.

Демчук, Галина Владимировна; Уткин, Николай Николаевич. Посвящения храмов в Нижнем Подвинье в XVI – начале XVII в. // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Проблемы изучения и издания», посвященной памяти Василия Васильевича Крестинина (1729–1795). Архангельск, 19–23 июня 2001. Архангельск, 2002. С. 105–115.

Демчук, Галина Владимировна; Уткин, Николай Николаевич. Посвящения церквей в Каргопольском уезде по сотным выписям XVI в. // Христианство и Север: По материалам VI Каргопольской научной конференции. Москва, 2002. С. 37–45.

Земскова, Вера Ивановна. Борисоглебские церкви в политической истории России XII–XVII веков. Москва: Индрик, 2022. 456 с., илл.

Кустова, Елена Витальевна. История Вятского Успенского Трифонова монастыря: В 2 т. Т. 1. История монастыря от основания до наших дней. Киров: Буквица, 2012. 752 с.

Манькова, Ирина Леонидовна. Маркеры российской государственности в православном ландшафте Урала и Сибири (конец XVI – XVII в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 40–46.

Манькова, Ирина Леонидовна. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2020. 394 с.

Марченко, Никита Алексеевич. Литургические особенности закладки и освящения храма в Русской Церкви XVI–XVII вв. по данным архиерейских храмозданных грамот из архива Соловецкого монастыря // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 180–189.

Мельник, Александр Гаврилович. Ростовский митрополит Иона (1652–1690) как творец сакральных пространств // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. Москва: Индрик, 2006. С. 740–753.

Полознев, Дмитрий Федорович. Патриарх Никон шатровых храмов не запрещал, или еще раз о пользе обращения к источникам // История и культура Ростовской земли. 2007. Ростов, 2008. С. 6–26.

Рыбаков, Борис Александрович. Русское прикладное искусство X–XIII вв. Ленинград: Аврора, 1971. 128 с.

Салмин, Сергей Анатольевич. Престольные посвящения погостских церквей и динамика распространения клерикально-административной системы в Псковской земле в конце X–XV в. // Вестник университета Дмитрия Пожарского. Псков и Псковская земля в истории Руси и России (X–XVII вв.). 2019. № 2 (14). С. 10–35.

Сукина, Людмила Борисовна. Человек верующий в русской культуре XVI–XVII вв. Москва: РГГУ, 2011. 424 с.

Тарановская, Наталия Васильевна; Мальцев, Никандр Викторович. Русские прялки. Ленинград: Аврора, 1970. 120 с.

Топычканов, Андрей Владимирович. Политическое пространство царских загородных резиденций второй половины XVII в. Москва: Индрик, 2019. 328 с.

Устинова, Ирина Александровна. Посвящение храмов в Европейской части России в середине XVII в. (по материалам делопроизводства Патриаршего Казенного приказа) // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: К 70-летию Николая Михайловича Рогожина / Отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2019. С. 230–237.

Фёдорова, Ольга Алексеевна. Храмозданные грамоты и проблема истории шатровых храмов в XVII веке // Искусство христианского мира: Сборник статей. Москва: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет, 2005. Вып. 9. С. 225–235.

Хорошев, Александр Степанович. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). Москва: Изд-во МГУ, 1988. 206 с.

Чазин, Георгий Николаевич. Русь Московская, Пермь Великая и Стефан Пермский // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры: Материалы международной научно-практической конференции 1996 г. Т. I. Пермь 1997. С. 39–53.

Черкасова, Марина Сергеевна. К изучению церковного строительства в Ростовской митрополии в XVI–XVII вв. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2005. Вып. 15. С. 132–146.

Швейковская, Елена Николаевна. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – XVIII века. Москва: Индрик, 2012. 368 с.

Яворницкий, Дмитрий Иванович. История города Екатеринослава. Днепропетровск: Проминь, 1989. 197 с.

Mainicheva, Anna Yurievna. «As the measure and beauty suggest»: Traditional principles of geometry in Russian Orthodox churches // Anthropology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2015. Vol. 43. Issue 1. P. 135–143.

Information about the article

The research by A. Mainicheva was carried out within the framework of the FWZG-2022-0001 program «Ethnocultural diversity and social processes in Siberia and the Far East in the 17th–21st centuries. Research on the changing role of traditional cultures, social institutions and environmental paradigms».

Authors: Khodakovsky, Evgeniy Valentinovich — Dr. Sc. in Art History, Head of the Department of Russian Art History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Orc ID 0000-0003-1800-327X; e-mail: E.Khodakovsky@spbu.ru

Mainicheva, Anna Yuryevna — Dr. Sc. in History, Leading Researcher, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Art, Novosibirsk, Russia; Orc ID 0000-0002-0784-4252, Scopus ID 35221985800, Researcher ID J-4247-2012, SPIN code 2538-8771; e-mail: annmaini@gmail.com

Mankova, Irina Leonidavna — PhD in History, Leading Researcher, Institute of the History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia; Orc ID 0000-0003-1496-0574, SPIN code 8220-1826; e-mail: ilman.08@mail.ru

Salmin, Sergei Anatolievich — Senior Researcher, Pskov Archaeological Center, Pskov, Russia, Orc ID 0000-0002-2985-4996, SPIN-code: 9906-8772; e-mail: solvarg@yandex.ru

Ustinova, Irina Alexandrovna — PhD in History, Senior Researcher, Centre of History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Orc ID 0009-0003-2488-9705, SPIN code 7140-7361; e-mail: ilustinova@yandex.ru

Zemskova, Vera Ivanovna — PhD in Philosophy, Master Student, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Orc ID 0000-0002-3825-0078; e-mail: byzros@gmail.com

Title: What can the names of churches in Muscovite Rus' of the 16th–17th centuries tell us? Discussion

Summary: How did the sacred space of Orthodox dioceses develop in the 15th–17th centuries? Is it possible to identify patterns in the dedication of Orthodox churches to certain saints? The participants in the discussion analyze these issues based on their own research in different territories of Muscovite Rus' — the European part and Siberia. Research shows that the construction of churches and their dedication to Orthodox saints and Orthodox holidays is a kind of indicator of the spiritual development of the territory and its habitation. The dynamics of dedications of altars of city and monastery cathedrals, city and rural parish churches reflects the peculiarities of the formation of the parish structure and shows the relationship between national and local processes. The study of churches in Muscovite Rus' becomes representative after the appearance of detailed descriptions of the rural space at the end of the 15th century. Transformations of the social structure of the state, changes in internal and external borders lead to dynamic changes in the dedications of church altars and changes in the parish structure.

Keywords: saints, history of the Orthodox Church, veneration of saints, traditional culture, parish, church, history of culture

References:

Anderson, Benedict. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2001. 288 p. (in Russian).

Chagin, Georgii Nikolaevich. Rus' Moskovskaya, Perm' Velikaya i Stefan Permskiy, in *Khristianskoye missionerstvo kak fenomen istorii i kul'tury* [Christian missionary work as a historical and cultural phenomenon]: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoprakticheskoy konferentsii. Perm, 1997. Vol. 1. Pp. 39–53. (in Russian).

Cherkasova, Marina Sergeevna. K izucheniyu tserkovnogo stroitel'stva v Rostovskoy mitropolii v XVI–XVII vekah, in *Soobshheniya Rostovskogo muzeya* [Reports of the Rostov Museum]. Rostov, 2005. Vol. 15. Pp. 132–146. (in Russian).

Demchuk, Galina Vladimirovna; Utkin, Nikolay Nikolaevich. Posvyashcheniya tserkvey v Kargopol'skom uyezde po sotnym vypisam XVI v. [Dedications of churches in Kargopolsky uезд according to the centennial traditions of the 16th century], in *Khristianstvo i Sever* [Christianity and the North]: Based on the materials of the VI Kargopol scientific conference. Moscow, 2002. Pp. 37–45. (in Russian).

Demchuk, Galina Vladimirovna; Utkin, Nikolay Nikolaevich. Posvyashcheniya hramov v Nizhnem Podvinye v XVI – nachale XVII v. [Dedications of churches in the Lower Dvina basin in 16th – early 17th cent.], in *Massovye istochniki istorii i kul'tury Rossii XVI–XX vv.* [Mass sources of history and culture of Russia in the 16th–20th centuries]: Materialy XII Vserossiyskoy konferentsii «Pisovye knigi i drugie massovye istochniki istorii i kul'tury Rossii XVI–XX vv.: Problemy izucheniya i izdaniya», posvyashhennoy pamyati Vasiliya Vasilevicha Krestinina (1729–1795). Arkhangel'sk, 2002. Pp. 105–115. (in Russian).

Fyodorova, Ol'ga Alekseevna. Hramozdannye gramoty i problema istorii shatrovnykh hramov v XVII veke, in *Iskusstvo khristianskogo mira* [Art of the Christian World]: Collection of article. Moscow: Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University Press., 2005. Vol. 9. Pp. 225–235. (in Russian).

Khoroshev, Aleksandr Stepanovich. *Political history of Russian canonization (XI–XVI cent.)*. Moscow: Moscow State University Press., 1988. 206 p. (in Russian).

Kustova, Elena Vitalyevna. *Istoriya Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monastyrja* [History of the Vyatka Dormition Trifonov Monastery]: in 2 volumes. Vol. 1. History of the monastery from its foundation to the present day. Kirov: Bukvizza Publ., 2012. 752 p. (in Russian).

Mainicheva, Anna Yurievna. «As the measure and beauty suggest»: Traditional principles of geometry in Russian Orthodox churches, in *Anthropology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2015. Vol. 43. Issue 1. Pp. 135–143.

Man'kova, Irina Leonidovna. Markery rossiyskoy gosudarstvennosti v pravoslavnom landshafte Urala i Sibiri (konets XVI – XVII vv.) [Markers of the russian statehood in the orthodox landscape of the Ural and Siberia (end of the 16th–17th centuries)], in *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2013. Vol. 3 (40). Pp. 40–46. (in Russian).
Man'kova, Irina Leonidovna. *Pravoslavniy landshaft gorodov Zapadnoy Sibiri v XVII veke* [Orthodox landscape of Western Siberian cities in the 17th century]. Ekaterinburg: Uralskiy university Press., 2020. 394 p. (in Russian).

Marchenko, Nikita Alekseevich. Liturgicheskiye osobennosti zakladki i osvyashheniya hrama v Russkoy Tserkvi XVI–XVII vv. po dannym arhiereyskikh hramozdannym gramot iz arhiva Solovetskogo monastyrya, in *Hristianskoye chteniye* [Christian reading]. 2022. № 4. Pp. 180–189. (in Russian).

Mel'nik, Aleksandr Gavrilovich. Rostovskiy mitropolit Iona (1652–1690) kak tvorecz sakral'nykh prostranstv, in *Ierotopiya: Sozдание sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi* [Hierotopy: The Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Ancient Rus']. Moscow: Indrik Publ., 2006. Pp. 740–753. (in Russian).

Poloznev, Dmitriy Fedorovich. Patriarh Nikon shatrovykh hramov ne zapreshhal, ili eshhe raz o pol'ze obrashheniya k istochnikam, in *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli* [History and culture of the Rostov land]. 2007. Rostov, 2008. Pp. 6–26. (in Russian).

Rybakov, Boris Aleksandrovich. *Russkoye prikladnoye iskusstvo X–XIII vv.* [Russian applied art of the 10th–13th centuries]. Leningrad: Avrora Publ., 1971. 128 p. (in Russian).

Salmin, Sergey Anatolyevich. Prestol'nye posvyashcheniya pogostskikh cerkvey i dinamika rasprostraneniya klerikal'no-administrativnoy sistemy v Pskovskoy zemle v kontse X–XV vekov, in *Vestnik universiteta Dmitriya Pozharskogo. Pskov i Pskovskaya zemlya v istorii Rusi i Rossii (X–XVII vekov)*. 2019. № 2 (14). Pp. 10–35. (in Russian).

Shveikovskaya, Elena Nikolaevna. *Russkiy kretyanin v dome i mire: Severnaya derevnya kontsa XVI – XVIII veka* [Russian peasant in the house and in the world: Northern village of the late 16th – 18th centuries]. Moscow: Indrik Publ., 2012. 368 p. (in Russian).

Sukina, Lyudmila Borisovna. *Chelovek veruyushchiy v russkoy kul'ture XVI–XVII vv.* [A religious person in Russian culture of the 16th–17th centuries]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press., 2011. 424 p. (in Russian).

Taranovskaya, Nataliya Vasilyevna; Mal'tsev, Nikandr Viktorovich. *Russkiye pryalki* [Russian distaffs]. Leningrad: Avrora Publ., 1970. 120 p. (in Russian).

Topychkanov, Andrey Vladimirovich. *Politicheskoye prostranstvo tsarskikh zagorodnykh rezidenciy vtoroy poloviny XVII veka* [The political space of the royal country residences of the second half of the 17th century]. Moscow: Indrik Publ., 2019. 328 p. (in Russian).

Ustinova, Irina Aleksandrovna. Posvyashheniye hramov v Evropeyskoy chasti Rossii v seredine XVII v. (po materialam deloproizvodstva Patriarshego Kazennogo prikaza), in «*Chtoby ne perestala pamyat' roditeley nashih i nasha, i svecha by ne ugasla...*»: K 70-letiyu Nikolaya Mihaylovicha Rogozhina. Moscow, 2019. Pp. 230–237. (in Russian).

Yavornitskiy, Dmitriy Ivanovich. *Istoriya goroda Ekaterinoslava* [History of the city of Ekaterinoslav]. Dnepropetrovsk: Promin' Publ., 1989. 197 p. (in Russian).

Zemskova, Vera Ivanovna. *Sts. Boris and Gleb Churches in the Political History of Russia in the XIIth–XVIIth centuries*. Moscow: Indrik Publ., 2022. 456 p. (in Russian).